

АНДРЕЙ МАРТЫНОВ

МОЛИТВА
НАД ПЕПЛОМ

18+

Андрей Мартынов

Молитва над пеплом

<https://litres.ru/74663777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мирный мир вокруг нас хрупок, а самые страшные войны ведутся не за территории, а за древние тайны. Взрыв на Черногорской свадьбе запускает цепь трагических событий: террористы похищают величайшую христианскую реликвию — Десницу Иоанна Крестителя.

В эпицентре смертельной игры оказывается Андрей Рогов — бывший разведчик и журналист, ушедший от мирской суеты и ставший иноком в тихой обители. Чтобы вернуть святыню, ему придется вновь надеть маску человека из прошлого. Оставив келью, он отправляется в самое сердце охваченной войной Сирии.

Плечом к плечу с ним идет отважная сербская девушка Светлана. Их ждет опасный путь сквозь пепел ближневосточных конфликтов, засады фанатиков, слежку спецслужб и смертельные ловушки.

«Молитва над пеплом» — это захватывающий остросюжетный триллер о столкновении веры и фанатизма, о силе человеческого духа и поисках внутреннего покоя в мире, потерявшем рассудок. Удастся ли героям пройти через ад и сохранить свои души?

Содержание

Глава 1. Монастырь	4
Глава 2. Фёкла — дочь язычника	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Молитва над пеплом

Глава 1. Монастырь

Любопытный голубь-рябок, безо всякой опаски, плавно снижался с небес на шумную черногорскую свадьбу, которую гуляли прямо на Орлиной горе. Здесь раскинулись самая высокая в Цетине обзорная площадка и мавзолей Владыки Данилы. Прохладный, слегка жестковатый вольный ветер гулял между дорогами каждому потомку «диких горцев», белыми холмами с редкими вкраплениями зелени.

Конечно, для каждого истинного бокельца¹, более живописного места для разбития свадебного бивуака было не сыскать...

Зорица — юная красавица в восхитительном свадебном белом платье, плавно двигалась по кругу, слегка приподняв пышные кружевные края своего наряда. Её суженый — Милош в черном фраке с бабочкой, взятом на прокат за баснословные деньги, в ослепительно-белой рубашке, воздав руки кверху, кружился, пританцовывая вокруг своей любимой и, казалось, никого не видел, кроме неё.

Музыкант в воронёном с золотыми вензелями картузе, в таком же праздничном жилете поверх национальной бе-

¹ Так черногорцы называют сами себя.

лой «вышиванки», усердно, до самозабвения наигрывал на кленовой скрипке-гусле зажигательный коло. Гусле грушевидной формы, обтянутая сверху кроличьей кожей, с проделанными в ней отверстиями, звучала очень по-турецки. Две струны, сплетённые из тридцати конских волос каждая, пронзительно пищали. Изогнутый в дугу смычок, которым играл скрипач, больше напоминал лук с натянутой тетивой. А вот гриф инструмента являл собой произведение искусства. Сверху, где колки закручивают струны, была вырезана фигурка национального героя балканской республики — Ивана Черноевича. Гости свадьбы, — молодые и не очень, взявшись за руки, двигались в такт вокруг молодожёнов, щедро улыбаясь виновникам торжества и друг другу.

Помимо гусле, мелодию поддерживала гайда, представляющая собой набор кельтских волынок. Трубы кизилового дерева, козий мех и удивительные звуки, превосходно ложащиеся на основную музыкальную тему танца. Мастерство дующего в эти множественные трубки не вызывало сомнения.

Но всё же играющий на гусле был заводилой — подсказывал танцующим движения старинного «коло», который они явно подзабыли. Незаурядное воображение музыканта, яркая эмоциональная мимика, захватывали весёлых гостей полностью. Получалась очень динамичная и чувственная композиция, сочетающая и струнную, и духовую музыку.

Наконец, мастер игры на гусле завершил свой пассаж просто виртуозной кодой.

— Bravo! — кричали впечатлённые игрой балканской скрипки гости.

— Молодцы! — сквозь шквал аплодисментов раздавались крики оттанцевавших.

Музыканты взяли в руки гранёные фужеры со сливовицей и салютовали ими всей свадьбе, весело раскланиваясь.

Подружка невесты, заметив, что музыканты утомились, а молодёжь ещё не наплясалась, лукаво прикусила ногти, проскользнула к заскучавшему за современной аппаратурой в стороне, диджею, и что-то шепнула ему на ухо. Паренёк с роскошной курчавой шевелюрой, видимо её старинный приятель, а то и родственник, понимающе кивнул головой и привычным движением вздёрнул большие наушники с шеи на голову.

Вечером на лавочке, возле дома моего,
Мы сидим с девчонкой, не боимся никого.
Я прижал её к себе, чувствую тепло её рук,
И в ночной тишине слышу сердца стук.

— понёсся над округой незабываемый хит российской группы «Сектор газа».

— Очень модная в Европе! — запыхавшись, заговорщицки сообщила подружка невесте и жениху, подбежав к ним. Они только радостно кивнули в ответ.

А ты опять сегодня не пришла,
А я сижу, тебя жду до утра.
А ты опять сегодня не пришла,
А я сижу, тебя жду до утра.

Новая песня понравилась всем, никто не захотел уходить со смотровой площадки, превращённой в танцевальную: ни местные гости, ни приезжие. Диджей, довольный произведённым эффектом, махал двумя руками приветствуя танцующих.

А Луна плывёт, как бледный шар,
В небесах горит её пожар.
Я смотрю на звезды и молчу,
Всё сказать тебе о чём хочу.

Над балканскими горами нёсся кавер давно ушедшего Юры Хоя в исполнении одной из современных групп.

Деревенские музыканты громко смеялись, слушая, как черногорскую народную музыку сменила популярная российская. Они опять салютовали ополовиненными фужерами сливовицы — на этот раз невидимому, но очень хорошо слышимому исполнителю.

Старики, до того о чём-то невдалеке беседовавшие с монахом — братом Павлом, приглашённым из Цетинского монастыря, расположенного у подножья горы, прервали свой

разговор и прислушались к напеву далёкой славянской страны.

— Добро... Отлично... Фино..., — хвалили веселье пожилые черногорцы.

Всеобщая радость достигала своего апогея, когда внезапно

раздался первый громкий хлопок. Взрывная волна смела со специального стола старинные бутылки с домашней сливовицей. Раззадоренные гости шумно зааплодировали, выкрикивая привычные здравицы молодожёнам.

— Рановато палите, братишки! — крикнул кто-то из стариков.

Есть такой старинный черногорский обычай, стрелять на свадьбе, да так, что власти даже и не штрафуют за нарушение гражданского спокойствия.

Ах, если бы это была праздничная канонада, но беда пришла ниоткуда и вдруг...

... Второй взрыв накрыл диджея вместе с его аппаратурой. Песня прервалась на полуслове; стал слышен лишь звон разбивающейся посуды и женские вопли ужаса. Несчастного диджея буквально разорвало пополам, его голова в наушниках, выглядывала из-за упавших колонок и на лице с открытыми глазами, будто застыла гримаса крайнего удивления: «Как так...?»

Лёгкий тент, закрывавший свадьбу от палящих лучей солнца, обрушился на людей, когда раздался следующий

взрыв. Уже никто не сомневался — это не свадебная канонада, а самая настоящая, боевая. Людей обстреливали из гранатомётов. Уже бездыханные тела нескольких юношей и девушек остались на танцполе. Уже лежали мёртвые в обнимку, словно братья, два музыканта-виртуоза Дражен и Божен.

Последнее, что успел сделать в жизни молодой муж Милош — это закрыть собой самое главное сокровище, свою красавицу Зорицу. Он придавил её сверху, густо залив подвенечное платье горячей ярко-красной кровью.

Несчастные гости в ужасе разбегались, не разбирая дороги: падая, поднимаясь, срываясь с обрыва вниз, ломая ноги на бегу по узкой дороге вниз и крича, крича...

Жуткая, нелепая трагедия все ещё не давала людям поверить в то, что это происходит именно с ними...

Богослужбное Всенощное бдение в Цетинском монастыре было прервано, когда сразу после полуночи в столицу привезли убитых и раненых гостей злополучной свадьбы.

* * *

Ты опять спешишь на работу. Интересную. Захватывающую. Надоевшую до чёртиков. Та же машина, тот же руль. Или новая машина, новый руль. Без разницы. Выпрыгнуть и пойти пешком. Но идти далеко. А может быть и не далеко? Так в чем же дело? «Просто не хочу! И на машине не хочу, и пешком не хочу!»

Суета, которая, как капля воды, стучащая в макушку связанного по рукам и ногам, когда-нибудь сведёт с ума. Суе-

та...

Удрать отсюда? Из этого города, страны? Не поймут. И сам себя не поймёшь. Взять отпуск?

Не обольщайся! Достанут и в отпуске, и в санатории. Выброси свой смартфон! Перестань платить за Интернет! Отключи кабельное телевидение. Уволься отовсюду! Наконец, закройся дома и зашторь все окна. Услышишь вой автомобильных сигнализаций на улице, лай собак, детский плач... а соседи, как назло, начнут стучать по батареям. Не тебе стучать. Мимо тебя. Зарвавшегося несовершеннолетнему подростку, который врубил музыку на полную громкость. Но ты все равно это услышишь! От себя не уйдёшь. От такого умного, глупого, взрывного, спокойного, от везучего или неудачника, отца-одиночки или многоженца. Не уйдёшь!

«Всё не так!» — однажды решишь ты, — «Всё должно быть совсем не так... А как?»

Я спокоен, совершенно спокоен! Настолько спокоен, что сейчас разобью голову этому экстрасенсу... Достал...

«Да ты зажрался!» — скажет случайный или не случайный знакомый. Почему суждения о жизни у многих происходит только через еду? Позвольте, нельзя же в этой жизни только жрать?

«Я тебя люблю!» — скажет та, что рядом, «...Или делаю вид, что люблю...» — мысленно добавишь ты.

Не чувствуешь? Не веришь? Не знаешь...

Чем спасти себя от этого равнодушия, суеты, подчас глу-

пой и бессмысленной? Покоем. Раздумьем о вечном, глубоким познанием самого себя. Беседой с тем, кто услышит... А может молитвой...?

...Монастырь святого Иоанна Русского был основан в первые годы развала некогда огромной страны. Этот праведный родился в местах Войска Запорожского, воевал за крепость Азов в армии Петра I. Попал в плен и до самой смерти в турецком городе Ургюпе работал конюхом. Почитали, и по сей день почитают его за святого, как православные греки, так и турки-мусульмане.

У монастыря были свои виноградники, в основном, чтобы было своё вино для Таинства Евхаристии. Оно ведь должно быть изготовлено только из чистого виноградного сока, без примесей, ароматов и других нежелательных веществ. Именно с таким вином совершил Вечерю Господню сам Спаситель. Как известно, первое чудо, что явил Иисус миру, было обращение воды в вино. Не исцеление больного, не воскрешение умершего — это всё было потом, — а обращение воды в вино на свадьбе в галилейском селении Кана.

Впрочем, основной доход общины был от разведения лошадей башкирской породы — небольших, выносливых лошадок, так необходимых в наше время в крестьянских хозяйствах. Была у обители и своя ветлечебница во имя святого Антония, где монахи за плату невеликую лечили крестьянам скотину, а горожанам домашних питомцев. Так и стоял храм над могучей рекой, во славу Господа и на радость при-

хожанам.

Перед Вечерней службой настоятель монастыря отец Емельян, через служку Захара, попросил инок Ермолая, приставленного к конюшне, зайти к нему.

Наскоро обмывшись и переодевшись в чистую рясу, послушник выдвинулся из своей отдалённой кельи к центру обители, где бывал не часто, отдавая предпочтения келейной молитве.

Громадный, широкоплечий, недюжинной силы и ровный, как башня собора, он сторонился общения и за глаза его здесь прозвали Ермола-Нелюдим. И правда, быть отшельником среди отшельников — надо обладать поистине особым даром. Нет, он никогда не отказывался от беседы, но и не искал её. А если говорил, то непременно в точку — толков и обстоятельно. И его ирония, хоть и справедливая, очень не нравилась начальствующим священнослужителям.

— В тебе говорит гордыня! — шипели монахи, приближенные к настоятелю.

— Нет в мире греха, которые нельзя искупить молитвой и покаянием! Молитесь, братья мои. — смиренно отвечал инок, чем совершенно обезоруживал злопыхателей.

Да, Ермолай мог всегда прийти на помощь, если был рядом. А рядом он, практически, не бывал никогда: или на конюшне, или в келье. Даже в трапезной он появлялся, когда все уже откушали. Словом, Нелюдим и есть Нелюдим.

«С чего это я понадобился отцу Емельяну?» — думал

инок, мерно ступая своими огромными ногами в тяжёлых яловых сапогах по мощёной дорожке монастыря и, «на автомате», молча, приветствуя братьев-монахов кивком головы.

Ермолая одолевали плохие предчувствия. За последние два года настоятель вызывал его к себе в кабинет дважды: один раз, когда инок отхлестал крапивой мальчишек, которые с забора конюшни кидались в лошадей зелёными сливами; другой — когда Ермолай, не дождавшись ветеринара, подсел под больную кобылу и понёс её в келью нерадивого монаха-ветеринара. И вот, его вызвали к Емельяну в третий раз.

В обители иерея, прямо у входа, настоятеля дожидалась среднего роста девушка. Она, задрав голову, увлечённо рассматривала большое панно со святым Власием, изображённым в окружении домашних животных.

Прямая и в то же время свободная, нескованная осанка девушки наводила на мысль о долгой дружбе с гимнастикой или акробатикой. Простое тёмно-коричневое платье, как у дореволюционных гимназисток и большая белая косынка на голове, конечно, одевались, чтобы выглядеть в Божьем Храме подобающе.

Большие чёрные глаза нежданной гостьи с яркими, как у детей, белками, вдруг встретились со взглядом инок. Гостья чуть улыбнулась пришедшему священнослужителю и, извечным девичьим жестом, устраняя какие-то, невидимые для мужского глаза, дефекты, поправила свою косынку. Но

могучий, лет сорока пяти, светлородый инок в чёрной рясе и такого же цвета камилавке, даже не повёл и бровью, будто перед ним стояла не девушка, а пустой буфет.

— «Здравствуйте!» — весело и открыто сказала прихожанка.

— Спаси вас Господи! — откликнулся мужчина, отметив у девушки еле уловимую нотку нездешнего произношения, и тут же представился, — инок Ермолай.

— Светлана, Светлана Соломина, — поспешила ответить гостя, а про себя подумала: «Странно. Вроде всё в нем говорит о послушании, а так посмотришь, будто и не монах вовсе...»

Сделав ладонью у лба козырёк от солнца, Ермолай посмотрел вдаль, на фигурку отца Емельяна, показавшегося где-то у келий и почувствовал на себе пристальный взгляд черноглазой незнакомки, что назвалась Светланой.

Действительно, могучий торс священнослужителя угадывался даже под пространным, скрадывающим формы, монашеским одеянием. Высокий рост и жилистая шея. Ухоженные, но, видимо очень сильные пальцы рук, будто созданные держать булаву или меч... Может быть, такими и были наши предки — Ратибор, Пересвет? Или...

— ...А-а-а, вы давно служите? — любопытствовала девушка.

— Всю жизнь! Ибо жизнь обрёл, найдя покой, смирение и Благодать Божию.

— Вот как! — улыбнулась Светлана, — и хорошо кормят?

От неожиданного вопроса инок обернулся и уставился на девушку взглядом, будто спрашивал: «Откуда ты свалилась на мою голову?»

— Плоть и кровь Господня, Святое Причастие, пища духовная — разве этого мало?

— Видать много нагрешил, батюшка? — продолжала провоцировать Ермолая девушка, видимо мечтая вывести его «на чистую воду».

— Сказано, — смиренно отвечал инок, — что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в своём глазе не чувствуешь?...

Странная гостья надулась и уже была готова сказать что-то хлёсткое и обидное, как подошёл Отец Емельян, грузный шестидесятилетний мужчина, с глубокими морщинами на красном лбу и бородой, некогда рыжей, а теперь полностью поседевшей.

— Рад вас видеть, — сказал он и по-отечески дважды поцеловал гостью в щёки, — разрешите вам представить...

Священник вполоборота посмотрел на Ермолая.

— ...Спасибо. Мы уже познакомились, — недовольно ответила девушка.

— Чтож. Тогда, прошу!

Настоятель распахнул дверь своего кабинета, вопреки храмовому этикету приглашая Светлану жестом войти.

За спиной у гостьи Отец Емельян взял инока за предпле-

чье и забормотал почти шёпотом:

— Брат мой, Ермолай! Только я тебя прошу, без своего сарказма. Дело-то предстоит Божье.

— Не тревожься, отче, — смиренно ответил инок, — имеющий уши, да услышит.

— Смутьян, — недовольно буркнул вдогонку строптивому подданному настоятель и засеменил в кабинет вслед за ним.

Отец Емельян вошёл и посмотрел на мягкий контейнер для игрушек, приготовленных для детского дома, стоящий в стороне.

— Вот, пожалуйста. Игрушки для деток собрали..., — как бы представил свои деяния настоятель и легонько пихнул контейнер ногой. Из его недр сказали «fuck». Инок и гостья переглянулись. Девушка не сдержалась и прыснула в кулак.

— Случайно попал в игрушку, где на кнопочках нарисованы зверушки, а при нажатии говорится по-английски её название, — объяснился отец Емельян, смущаясь.

— Но, почему-то «frog» звучит как «fuck», — прокомментировала своё веселье прихожанка, но это было излишне. На её вопиющую, как для обители, фразу никто не обратил внимания.

Ермолай, наконец-то, распознал её акцент — балканский. Так говорят сербы и хорваты. Девушка заняла стул, что находился напротив стола иерея у окна. Сам инок занял место, что располагалось ближе к двери.

— Итак, я весь внимание, сестра Светлана!

Девушка вынула из своей сумки большой плотный конверт с эмблемой Цетинского монастыря, с вощёным шнуручком на клапане, который был обмотан вокруг медного браслета круглой формы и протянула священнику.

Настоятель костяным ножом разломал сургучную печать. Девушка спокойно, без любопытства наблюдала за его манипуляциями. Правда, намётанный глаз, засек бы некоторое напряжение. Но намётанных глаз здесь, скорее всего и не было. Она оглянулась. За спиной, на иконе, святой Вит с бесстрастным лицом, держал в руках пальмовую ветвь и двух собачек на цепочках.

— ...Существует поверье, по которому можно обрести здоровье, танцуя перед иконой святого Вита, в день его именин. Для некоторых прихожан эти танцы стали настоящей манией, поэтому я забрал икону к себе в кабинет, — пояснил Емельян Светлане, давая этим понять, что отвлекаться не стоит.

— Послание настоятеля Цетинского монастыря брата нашего во Христе — Луки, — наконец объявил Отец Емельян, глядя на собеседников, — вскрывается в присутствии нарочной Светланы Соломиной, а также инокка Ермолая.

Настоятель надел маленькие очки с квадратными линзами без оправы и начал чтение:

— Согласно договору между Цетинским монастырём и монастырём святого Иоанна Русского, а также нашей брат-

ской любви, в препровождение нашей недавней беседы, я брат Лука прошу тебя, брат Емельян, о помощи и присылаю это письмо со своей доверенной нарочной сестрой Светланой Соломиной... Тут я должен сказать, что просьба эта будет касаться тебя, Ермак, — прекратил чтение и посмотрел из под очков на Ермолая отец Емельян, — Лично я возражал по телефону, но брат Лука настоял.

— Угу, — тихо пробубнил Ермолай, — маршал Жуков настаивал на капитуляции. Ох, и крепкая получилась зараза...

— Что? — переспросил Емельян.

— Нет, нет, ничего, отче. Раз Его Преподобие Лука настоял, то-о-о..., — наигранно протянул инок.

— Да-да, именно так! — поддержал иерей, сделав вид, что не заметил издёвки.

Светлана же обиженно закусила губу:

— А что, есть какие-то сомнения по поводу Его Преподобия Луки?

— Вы знаете..., — истово молвил отец Емельян, не обращая внимания на реплику сестры Светланы, — брат Лука мне больше, чем брат во Христе. Мы учились вместе с семинарии... Обитали в одной келье... И я ему не могу отказать...

Девушка же смотрела на инока, который сидел молча, уставившись на свои четки сандалового дерева. Пальцы быстро перебирали костяшку за костяшкой.

Иерей ещё помялся немного, покашлял, не дождавшись ответа от инок Ермолая и продолжил чтение письма, в котором говорилось, что во время нападения на свадьбу. Вместе с ранеными и убитыми в монастырь проникли злоумышленники и украли реликвию мальтийского ордена — десницу Иоанна Крестителя, которую тот возложил на голову Сыну Божьему во время Крещения.

Светлана согласно кивала головой то и дело бросая взгляды на Ермолая, которому, казалось было всё равно. Наконец, она опять не выдержала:

— Вы считаете, отец Емельян, что ваш инок имеет право..., —

— ... Я знаю, отче, что десница успела побывать в Антиохии, Халкидоне, Константинополе, на острове Родос, пока в 1522 году ни попала на Мальту, — перебил гостью инок, — В 1799 году глава Ордена мальтийских рыцарей подарил святыню российскому императору Павлу I, который незадолго до этого принял титул великого магистра Ордена...

— Отче! — перебила Светлана, перекрикивая дерзкого инок, которого видимо уже по-настоящему записала если не во враги, то в серьёзные противники, — Отец Лука говорил, что у вас есть специалист, за которым я, собственно, и приехала...

— Об этом чуть позже, сестра, — мягко откликнулся иерей, — продолжай, брат Ермак.

— ...Десница Иоанна Крестителя хранилась в Зимнем

дворце до 1917 года, а незадолго до Социалистической революции, по просьбе матери Николая II, Марии Фёдоровны, была вывезена митрополитом Антонием в Копенгаген, — продолжал чеканить инок, — Затем некоторое время святыня хранилась в одной из православных церквей Берлина, а впоследствии попала в Белград...

— Ну, историки трактуют по-разному..., — опять вклинилась Светлана, просто по-детски пытаясь соревноваться с «этим несносным дылдой».

— Я знаю, — спокойно ответил Ермолай, — я изучал работы англичан, немцев, французов, евреев, греков... Изучал в подлиннике...

Далее инок принялся скороговоркой тараторить годы, месяцы, дни, места сохранения Десницы, цитируя историков на английском, немецком, французском и испанском языках, чем немало удивил даже настоятеля.

— ...Проведя некоторый анализ, я беру усреднённый вариант истории, — закончил руладу по-русски монах-полиглот.

Светлана смотрела на Ермолая, беспрестанно хлопая глазами, теперь уже точно понимая с кем имеет дело. Тягаться с человеком энциклопедических знаний — глупо и бесполезно. Но строптивый характер делал своё дело.

— Похвалился! Круто! — выкрикнула девушка.

Но и эта реплика осталась незамеченной священнослужителями монастыря.

— В 1951 году югославские коммунисты реквизировали длань вместе со многими другими ценностями, а в 1993-м реликвия была передана в монастырь в Цетине, в Черногории. Десница Иоанна Крестителя хранилась в бывшей опочивальне святого Петра Негоша, в скромном монастырском музее...

— ... А теперь её украли! Ты представляешь! — отчаянно возопил Емельян, давая понять, что ликбез по истории и языкознанию окончен, — вот такие новости.

— Да... Не новости, а ненависти какие-то, — заключил Ермолай, шумно выдохнул через нос и сжал пальцами переносицу.

— ...Выплеснулось наше счастье, потому что слишком было его, и монастырь наш переполнился выше крыши. Вытекло счастье и убежало куда-то. И никто не успел подставить посуды, чтобы себе немного набрать, — продолжил чтение письма Емельян, немного сбиваясь.

По лицу Соломиной было видно, насколько она взволнована, сизнова слушая эти, заведомо ей известные, плохие вести. На её глазах блеснули слёзы, а иерей продолжал:

— Светлана, отец Емельян даст тебе конверт, откроешь его в случае, если всё сложится так, как я тебе говорил.

С этими словами настоятель показал простой белый конверт и положил его на столешницу напротив девушки, продолжая смотреть в письмо:

— Андрей Петрович, отец Емельян передаст тебе кон-

верт...

— ...Андрей Петрович? «Это кто?» — удивлённо спросила девушка.

— Мирское имя, — прокомментировал Емельян, кивнув головой в сторону инока.

— ...Так-к-к... Я всё понял! — стиснув зубы, выдавил из себя Ермолай.

— ...Я ещё не закончил!!!

Настоятель долгим тяжёлым взглядом взглянул на инок своего монастыря. Однако Ермолай ничуть не испугался. Более того, через полминуты битвы глазами, старый иерей сдался и отвёл взгляд в сторону, слегка постукивая перстами о столешницу.

— ...Продолжайте, пожалуйста, отец Емельян! — тихо попросила девушка, пытаясь разрядить обстановку.

— Андрей Петрович, отец Емельян передаст тебе конверт... — повторил настоятель, — в этом конверте всё, что мы знаем о тех, кто украл Десницу Иоанна Крестителя. Верни её для христианского мира.

Иерей положил ещё один белый конверт с печатью игумена Луки на столешницу, рядом с первым. Затем сложил бумагу, которую читал, снял с носа очки и положил перед собой большие руки, сцепив кисти в замок.

— Вот, сестра Светлана, кстати, познакомьтесь, — Это не просто инок Ермолай. Это Андрей Петрович Рогов. Журналист, следопыт, фотограф, боевик, разведчик... кто ещё?

— ...Грешник, — потупил взор Андрей, — грешник, искавший прощения и смирения. Но, видимо, мне его никогда не найти.

— Признаю, что ты пришёл к нам в монастырь совсем за другим, Ермак, — пошёл на пролом настоятель, — ... Но ты ведь... веруешь?

Повисла пауза. Это был запрещённый приём. Да, Андрей веровал. Бывший октябрёнок, пионер, комсомолец... воспитанный в духе атеизма... нашёл свою веру, пройдя тяжелейший жизненный путь, отказался от мирской жизни, пришёл в Храм. И попрекать его неверием, проверять на веруешь-не веруешь, было очень болезненным и несправедливым.

— «Я должен где-то расписаться?» — спросил «разоблачённый» журналист, тяжело переведя дыхание и первым нарушив тишину.

— Нет, — покачал головой иерей.

— Хорошо, — кивнул Рогов и попытался встать со стула, — Я пойду?

— Так ты не ответил — «да», ни «нет»? — возмутился Емельян.

— Ну... Если как журналист Андрей Рогов, то нет... А если как инок Ермолай при монастырской конюшне, куда ж я от вас денусь?

Отец Емельян облегчённо вздохнул и, больше не говоря ни слова, достал из ящика стола ещё один конверт, из серого картона с красным шнуром, обмотанным вокруг брадса.

Он протянул его иноку, но Ермолай не взял, прекрасно зная, что находится внутри. Когда-то он сам отдал это отцу Емельяну. Светлана позволила себе перехватить протянутый конверт.

— Можно?

— Пожалуйста, мадемуазель. Сколько угодно! Не привлекался, в порочащих связях не замечен, и даже в детскую комнату милиции не приводили! — иронично, совсем по-мирскому, произнёс Андрей-Ермолай, поймав на себя взгляд настоятеля, полный укора.

Нарочная игумена Луки размотала красный шнур. Изнутри она достала аккуратный, в кожаной обёртке паспорт на имя Андрея Петровича Рогова...

... Афганистан, Ирак, Папуа-Новая Гвинея, Непал, Бутан, Мексика, Чили, Аргентина, Сомали, Эфиопия... Все эти визовые отметки настолько впечатлили Светлану, что она в очередной раз потеряла дар речи.

— Мне надо на конюшню..., — сообщил Андрей-Ермак, — У меня лошади не кормлены.

— Вот и хорошо, брат. — обыденно, примирительно воскликнул отец Емельян. — Отслужим Вечерю, переспим ночь, а там...

Но Рогов его уже не слышал, а, не попрощавшись, вышел из кабинета и зашагал прочь.

Настоятель монастыря молча проводил его взглядом. Затем кашлянул и посмотрел на Соломину. Та продолжала рас-

смаатривать паспорт Андрея. Со страницы на неё взглянула официальная фотография Рогова — безбородого, сероглазого и с волосами то ли сплошь седыми, то ли просто очень светлыми.

— ... Он хороший человек, Светлана, — примирительно сказал настоятель, — зря ты не хочешь ехать с ним.

— Я-а-а... -?

Погода совершенно испортилась. Осеннее солнце плавало в небе, как лимонная долька в кипячёной воде. Почти бесцветное, безвкусное и, казалось, бесполезное. Хотелось выжать его и выбросить в помойное ведро. Тёплый низовой ветерок нанёс тучи поплотнее, небо стало оловянно-тусклым, брызнуло мелким, смахивающим на туман дождём. Пространство за левадами расплылось в слякотной завесе. Судя по пейзажу, Бог давно уже пребывал в депрессии. И вот-вот уничтожит тут всё. Потому что очень плохо получилось.

«Не кощунствуй, Рогов!» — одёрнул себя инок, — «Не упоминай имя Господа всуе.»

Ноги экс-журналиста скользили по занавоженной глине. Он шагал в раздражении, шлёпая по лужам, не задумываясь о чистоте.

«Зачем ты пришёл сюда Рогов? Для чего?

Очистить душу... Но от чего? От того, что она болит за эту землю, за этих людей, за то, что утрачена вера в справедливость? Очистить душу от того, что в самые жаркие споры до сжатых кулаков, до кровотечения дёсен... до войны...

стирается грань между злом и добром? Перестать это чувствовать? Уйти? Спрятаться? Ты жил, как жил. Растил детей, кого-то любил, кого-то ненавидел. Срывался в пропасть, терял друзей и снова находил, нёсся вперёд напролом несмотря ни на что, не смотря ни на какие титулы, звания, грамоты, награды... И сейчас твоя судьба настигла тебя! Даже здесь, где смиряются души, тебе непременно нужно кого-то спасти... Вывернуться наизнанку. Перевоплотиться. Пойти против всех и вся, ради заветной цели и спасти... Может быть, это единственное в жизни, что ты умеешь лучше других? Может быть, кому-то молиться, а кому-то спешить туда, где ждут помощи..., вернись, Рогов. Вернись... От себя не убежишь...»

Андрей, брат Ермолай, или «Ермола-Нелюдим», шёл в денник своей любимой чагравой кобылы гуцульской породы. Эти лошади ещё в кавалерии Австро-Венгрии славились своей выносливостью. В степях Херсонской области их копыта, маленькие и очень твёрдые, не требоваликовки, что особенно ценилось крестьянами, экономившими всякую копейчку...

Светлана только что обогнула монастырский фруктовый сад и вышла на конюшни, огороженные частоколом. Не жалея своих замшевых сапожек, она шла по той же навозной жиже, где несколько минут назад проходил инок. Загон был пуст, видимо все монастырские лошади были на пастбище. Она осторожно подошла к маленькому строению, больше по-

хожему на домик сторожа, чем на конюшню...

— Стой! — услышала она окрик инок.

Невысокая Мелари, как звали лошадь, не была красивой: с длинной «щучьей» головой и маленькими подвижными ушами. У кобылы были длинные передние бабки и вислый зад. Это, конечно, означало мягкую для всадника переступь, но на Мелари никто не ездил верхом. Во-первых, она была заводской маткой, а во-вторых, её даже не использовали, как упряжную. Мелькание белков в углах глаз — знак недоброго нрава, отпугивало желающих запрячь Мелари. Ермаку нравилась диковатая «гуцулка», и Мелари, видимо, распознала в иноке ту спокойную, покоряющую и добрую волю, к которой так чувствительны лошади и... особенно, женщины. Они сразу нашли общий язык. Андрей разговаривал с ней, как с человеком и Мелари, строптивая, но умная чувствовала это, водила своими маленькими ушками и позволяла за собой ухаживать только ему одному.

— Стой! — крикнул Андрей маленькой кобылке, и взял щётку для мытья, включив воду из технического крана и набирая её в таазик.

... Светлана несколько секунд стояла, как вкопанная после выкрика «Стой!» и испытывала то неловкое чувство, когда попала в чужой дом, а хозяин чем-то занят за стеной.

— В-вы, извините, — заикаясь пробормотала девушка, — я все же, по нашей с вами поездке. Вы поедете со мной?

— Ты что же, думаешь, я за тобой бегать буду? — донёс-

ся строгий глас Рогова, который пытался усмирить кобылу, чтобы поскрести её.

— Да, я..., — ещё больше смутилась Светлана на улице, — я, понимаю, повела себя несколько фамильярно по отношению к вам... и хотела извиниться... Я-а-а...

— Успокойся! Успокойся, я тебе говорю! — опять не выдержал инок, слегка шлёпнув Мелари по широкому крупу своей огромной ладонью.

— ...Так что же мы будем делать? — после некоторой паузы, продолжила Светлана.

— Ну, не нервничай, милая, иди сюда! — уже спокойнее проговорил Андрей, одной рукой намыливая бок лошадки, другой обнимая её за шею. Мелари одобрительно фыркала.

— Спасибо! — поблагодарила Светлана и вошла в строе-ние, — а то я уже, признаться, и замёрзла.

— Ноги поднимай! — в очередной раз крикнул Андрей кобыле, как вдруг услышал шорох сзади и оглянулся.

Перед ним стояла Светлана с поднятой, согнутой в колене ногой. Она тоже не ожидала увидеть инока, который разговаривал совсем не с ней.

Громкий хохот разнёсся над монастырскими конюшнями. Смеялись двое — Андрей и Светлана. Такого веселья эти строения не слышали, пожалуй, с момента своей постройки. А потом обрывки фраз сквозь смех.

— А я слышу — стой! Подумала, что сюда вообще нельзя. Стала извиняться, мол..., ха-ха, — покраснелась от смеха

Светлана.

— А у меня же вода бежит. Я и не слышал вас... Вон, с Мелари разговариваю..., — отвечал Андрей, поглаживая свою любимицу по холке.

Громкий разговор и смех летел над конюшнями, растворяясь в опускающейся на обитель, ночи.

И, конечно, уже было ясно, что все трения между новыми знакомыми закончились...

* * *

— ...Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого...

Звуки молитвы отражались эхом в полупустой светлице Дома Паломников. Здесь явно не хватало мебели и тусклое освещение из старой люстры обеспечивало полумрак даже в белый день.

— ...И в единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, рождённого от Отца прежде всех веков: Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рождённого, не сотворённого, одного существа с Отцом, Им же все сотворено.

...Женский голос с лёгким сербским акцентом дрожал то ли от волнения, то ли от желания достучаться до Небес.

— ...Ради нас людей и ради нашего спасения сшедшего с небес, и принявшего плоть от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего человеком.

Светлана Соломина не пошла на Заутреннюю службу, по-

сколько монастырь был мужским. Она продолжала читать «Символ Веры» там, где и переночевала — в гостевой комнате при Доме Паломников.

— ...Распятого же за нас при Понтийском Пилате, и страдавшего, и погребённого.

Девушка сидела в плотном черном трико, в поперечном шпагате и совсем не была похожа на ту смиренную нарочную игумена Луки. Её натренированное тело, два дня страдавшее в пути от недостатка нагрузки, радовалось вместе с душой, которая растворялась в речах древней, как вера, молитвы.

— И воскресшего в третий день согласно Писаниям.

Хитрая утренняя гимнастика позволяла размять все суставы и насытить мышцы той силой, которая доступна единицам спортсменов. Вот глубокий прогиб спины стоя. Настолько глубокий, что молодая прихожанка сумела просунуть голову между ног, посмотреть прямо и её колени были как раз возле ушей. Вот поворот туловища назад, такой, что казалось у девушки в пояснице резьба, которую она мелко закручивает. Наконец, привычные отжимания от пола на шести пальцах. Все это ничуть не сбивало дыхания Светланы:

— ...Признаю одно крещение для прощения грехов. Ожидаю воскресения мёртвых жизни будущего века.

Девушка стала на ноги, выпрямившись, обернулась к образу Спасителя в восточном углу светлицы, не торопясь осенила себя крестным знамением и глубоко поклонилась.

— Аминь. Истинно так.

— Смиренный ангел, посетивший наш монастырь, поможет тебе, Ермак. — умиротворённо констатировал, восседая на своём кресле Емельян. — Хрупкая, прекрасная служительница Веры, сестра Светлана не побоится пойти с тобой, чтобы вернуть реликвию православному храму.

— Она и близко не знает, что такое война на Ближнем Востоке и вряд ли вообще знает, что такое война, — недовольно ворчал Андрей, глядя в окно.

Спокойный размеренный день обители, после утреннего молебна, начинался с уборки территории. Охочие до работы трудники, уже поделили участки и принялись за работу.

— ...Её мать погибла при бомбардировке Белграда, — возразил Рогову Емельян, — ... а отца убили националисты — кувалдой в голову, когда он пришёл с миссией в Хорватию. Из-за войны девочка осталась круглой сиротой в восемь лет... помирись с ней, брат.

Андрей обернулся к Емельяну. На лице того было написанное истинное переживание за судьбу сестры Светланы, да и вообще за успех миссии.

— Да мы и не ссорились, — выдохнул инок, — и уже даже перешли на «ты».

— Вот и славно, вот и славно! — облегчённо запел иерей и тут же, с качеством, присущим в монастыре только ему, переключился на деловой разговор. — Так! У тебя в Сирии связи есть?

— Не знаю, — пожал плечами Андрей, — до войны были.

— Ладно, об этом потом...

Отец Емельян взял из-под квадратной лампы на шарнирах свою распухшую от вложенных листочков записную книжку и принялся её листать, вглядываясь в неразборчивые каракули.

— Ты конверт брата Луки вскрыл? — спросил настоятель, продолжая копаться в своих записях

— Само собой, — кивнул Рогов, уже совсем превратившись в мирянина, но старый священник уже не обращал на это внимания.

— Брат Лука уверен, что Десницу украли мандеи, поклоняющиеся Иоанну Крестителю, как Мессии. Знаешь, кто такие мандеи?

Андрей задумался, видимо уже пытаясь складывать логическую цепочку.

— Игумен Лука пишет, что среди гостей свадьбы были люди из сирийского города Маалула. Родственники жениха думали, что это гости невесты. А родственники невесты полагали, что это друзья жениха. Ничего удивительного. Так делают все воры на свадьбах.

— ...Да, скорее всего, мандеи, — на своей волне, листая блокнот, согласился настоятель.

— Но почему они сказали, что из Маалулы? Какой им смысл раскрывать себя? Глупо. Может быть, сказали специально, чтобы запутать следы? — продолжал раскручивать Рогов.

Но Емельян не слушал рассуждений Андрея. Он продолжал сумбурно копошиться в своих записях.

— Вот! Нашёл! — радостно воскликнул Емельян, — если эти преступники действительно из Маалулы, значит, есть надежда. Протоиерей Иеремей нам поможет! Ты встретишься с моим старым другом — братом Еремой, настоятелем монастыря святых Сергия и Бахуса в Маалуле. Я с ним учился в семинарии. Ты можешь ему доверять.

«Угу. Старый друг. Что ж ты его имя так долго искал, Емелья?» — подумал Андрей, а вслух сказал:

— Бахус, это тот который...?

Андрей хлопнул себя тыльной стороной ладони по сонной артерии, изображая похмелье.

— Не богохульствуй, инок! — строго сказал Емельян, — Ты ещё на территории Храма, а уже ведёшь себя, как...

— ...Не обижайся, отец Емельян, — перебил Андрей, — я же должен маскироваться под мирянина.

Андрей, конечно, знал, что Бахус был солдатом, а за то, что он стал христианином, его переодели в женское платье, чтобы унижить, провели в таком виде по городу, а потом бичами забили до смерти.

— Прояви уважение! Не ко мне, так хотя бы к святыням! — продолжал сердиться Емельян.

— А не проявлял бы, и не вся взялся бы за это дело! — вдруг строго сказал Андрей, давая понять, что настала его очередь обижаться.

Долгая пауза, в которой настоятель мысленно успел дважды вскипеть и дважды отойти. Затем встал и подошёл к, пока ещё иноку, Ермолаю и обнял его:

— Ну, прости. Прости, дорогой... Я же очень волнуюсь.

Так они и стояли несколько секунд. Громадный Андрей и маленький, пухленький настоятель с красным лицом.

— Бог простит. И я прощаю, — смиренно ответил инок.

— Да! И ещё одно! — будто вспомнил Емельян, отстранившись от Андрея и посмотрев ему прямо в глаза. — Мандеи не признают Христа, считают его самозванцем. Так что, будьте осторожны, Ермак...

С холодами, дождями, непогодью, заморозками всегда приходит и уют. Инок Ермолай начинал чувствовать себя в своей келье этакой букашкой в коконе. Пусть там хоть конец света за окном, а он «в домике». Целый угол в келье «брата Ермака» занимала швейная машинка для кожи — подарок старшей дочери Маши. Тут же были сложены обрезки ремней, коробочки с иглами разных размеров, бобины с вощёнными и армированными нитями, бутыл с машинным маслом, скорняцкие ножи и ножницы, металлические линейки, пузырь с резиновым клеем — всё для починки и изготовления конской сбруи.

На отдельной тумбе, рядом с гладильной доской, стоял горшок с диффенбахией — подарком младшей дочери Даши.

Нет, он не забыл о них, о своих девочках. Они периоди-

чески навещали его надеялись, что он все-таки когда-нибудь вернётся.

«Ну, уже после Сирии...», — тяжело вздохнув думал Рогов, собирая свой рюкзак.

Первым делом Андрей достал из дальнего ящика кукри — нож непальских гуркхов, с характерным профилем «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани. Ручной тактический фонарь, которым можно не только светить в темноте, но и ослепить противника. Спальник. Мешок с термобельём, зеркальцем, бритвой, мылом и маленьким полотенцем. Комплект титановой посуды. Стальной термос на пару кружек зелёного чая. Навигатор, аптечку и противошоковый набор. Моток изоленды и моток шнура. Сухое горючее и пару одноразовых зажигалок, пару фальшфейеров...

У батареи центрального отопления в книжном шкафу, за книжками было сухо и тепло. Там можно засохнуть и лежать много лет рядом со старым авиабилетом. Слушать, как по трубам движется горячая вода, а на тумбочке увядает домашний цветок. Андрей достал из-за книг спрятанную кожаную суму. Открыл её и вытащил чёрный обсидиан правильной формы, похожий на древнерусский кирпич-плинфу.

Бесценная реликвия, оберег родной земли, секрет которого в монастыре знал только инок Ермолай, не единожды помогал журналисту в долгих и пространных беседах с настоятелем Емельяном. Андрей все-таки выучил арамейский и время от времени общался то ли с подголовным камнем

Иешуа, то ли с самим собой. Но ни один богословский совет, который дал ему камень не был пустым. Емельян уважал инока Ермака, за его рассудительность, веру и знание Святого Писания. И прощал ему все его ироничное отношение к братии монастыря.

Да, этой ночью, терзая себя сомнениями, все-таки ехать или не ехать, Рогов порывался прильнуть к Камню, чтобы спросить совета. Но что-то говорило внутри: «Это решение ты должен принять сам.» И таки решился...

Сейчас Андрей долго держал плинфу перед собой в руках. «Ну, что, друг мой. Не могу я тебя оставить здесь. Если в наше время воруют даже Длань Крестителя из церкви... Порой собственный рюкзак надёжнее всех дверей и замков мира.»

Он аккуратно вернул чёрный камень в суму и спрятал глубоко рюкзак.

Уже после Обедни к центральным воротам Монастыря Иоанна Русского вышел не инок Ермолай, а постриженный, гладко выбритый мужчина в стёганной куртке, джинсах и дорожных ботинках на высоких, крепких, неубиваемых протекторах. Казалось, он стал ещё выше и крепче. Мирское одеяние, словно вдохнуло в него новую жизнь. И его спутница, сестра Светлана невольно залилась румянцем. А настоятель отец Емельян, посмотрев на Рогова, затем на Светлану почему-то загрустил:

— Помни о долге, чадо. И не греш... чрезмерно, — и

тут же закашлялся.

— Благослови, отец! — Только и ответил Андрей.

Емельян осенил Андрея крестным знаменiem.

— Благословляю раба Божьего, инока Ермолая на дело Православной Церкви Нашей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

— Ну, вот и всё..., — выдохнул журналист. Но те тут то было...

Высокая нота жеребьячьего «И-го-го-о-о-о!!!» донеслась за спиной. Послушник Захар держал поводу маленькой гуцульской кобылки Мелари.

— Ты чего это, окаянный! — в сердцах выкрикнул настоятель Захару.

— Да я что, отче! — виновато оправдывался молоденький послушник, — она сама меня сюда привела! Как чумная с утра...

— Проститься пришла, — воскликнул Андрей и, подойдя к кобыле, стал на колени и обнял свою любимицу за шею.

Она, фыркая, топала копытом и тёрлась пушистой ресницей о его щеку. Минутное прощание бывшего инока было настолько трогательным и будоражающим, что даже у настоятеля Емельяна в глазах стояли слезы...

— Ну, пора! — выпалил срывающимся от эмоций голосом Андрей, поцеловал «гуцулку» в щёку, встал и зашагал прочь, кинув Светлане, — Пойдём, сестра!

И уже не оборачиваясь, они быстро вышли за ворота, че-

рез считанные минуты, скрывшись за холмом.

Глава 2. Фёкла — дочь язычника

...Эта зима выдалась небывало холодной. Почти каждую ночь было страшно выходить на улицу — ноги в тонких сандалиях... мёрзли. Но жители Иконии такого слова не знали. Страшно было от того, что пальцы на ногах и руках становились неимоверно холодными и, казалось, вот-вот остановится сердце. Горожане болели через одного — кашляли, чихали, и невозможно было дышать носом. Эта болезнь передавалась быстрее, чем бесплатные лепёшки нищим в дни благодат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.